

Глухая осень

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?
/ Сергей Есенин /

Не правда ли, странно звучит – глухая осень? Все понимают, о чем идет речь: глухая, значит, поздняя.

Если осень разделить на три этапа жизни природы: сентябрь – молодость, октябрь – зрелость, а ноябрь – старость, то становится понятным – с годами у осени стало туго со слухом. И не мудрено, с возрастом проблем со здоровьем все больше и больше. Как следствие – скверный характер. К ноябрю осень норовит подпортить жизнь людям и напакостить. Кому понравится жидкая жижа под ногами, тяжелое небо, лежащее на куполе зонта, змеевидная промозглость, проникающая под одежды и серость, серость, серость, от которой хочется укрыться под теплым одеялом и впасть в спячку?

Люди взывают: «Дай передышку! Порадуй несколькими солнечными днями! Мы не просим тепла, напротив, желаем понижения температуры на несколько градусов! Высуши землю, прикрой ее тонким покрывалом, под которым исчезнет вязкая грязь». Так нет, это безразличное создание делает все назло. Осень-то глухая, она не слышит нашей мольбы. Или не желает ее слышать из вредности.

Людей съедает грусть-тоска и мелкими шажочками подступает депрессия. Ты боишься наступления депрессии, страшишься будущего, которое обязательно должно преподнести неприятный сюрприз. Боишься и тем самым программируешь себя на получения подобного сюрприза. Ты стараешься выкарабкаться из унылого бытия, твердишь банальности – «у природы нет плохой погоды», надеваешь яркие одежды, стараешься веселиться, и выглядишь при этом, как старый клоун, разучившийся смешить людей и тоскующий по невозвратно ушедшей молодости.

С глухой осенью у тебя ассоциируется страшное слово – «пенсия» – период угасания человеческой жизни. После слова «пенсия» надо ставить жирную точку. Не запятую, не многоточие, надеясь на продолжение, а точку.

Чем ближе ты к ужасной цифре 55 или 60, тем острее воспринимаешь осеннюю тоску.

Глухая осень, глухое время, когда наступает застой, упадок и бездействие.

Погребальная красота последней фазы природы угнетает. Покойные листья в беспорядке расположились в бесформенной грязной луже вблизи корявого голого дерева, дорожащего на ветру.

Мое настроение можно назвать глухой осенью. Жизнь вплотную подошла к барьеру, через который ты волей-неволей перескочишь. И как бы я не упиралась, рука пенсионного возраста ухватит за шкуру, затянет на свою территорию и отгородит от остального мира.

Я не пыталась обмануть возраст, не носила коротких юбочек, не заигрывала с молоденькими мальчиками, не делала подтяжку лица. Я считала, что женщина должна стариться красиво. В любом случае о возрасте намекнут предатели, с которыми невозможно договориться, как бы ты их не ублажал: выглядывающая из защитной косынки шея, выставленные на всеобщий показ кисти рук, тяжелая походка или,

выражаясь более дипломатично, нелетящая походка женщины, которая тянет за собой груз в пятьдесят пять лет...

Уходить на заслуженный отдых я не собиралась. Но оказалось, что на мое «руководящее» место нашлись желающие. Тоже мне должность–мечта: начальник почтового отделения связи! В день празднования юбилея, меня изволило поздравить вышестоящее руководство, терпеливо перечислившее мои заслуги. А в кулуарных разговорах четко дало понять, что завтра ждет заявления по собственному желанию. Такovy правила – коллектив должен пополняться новыми молодыми силами. Старые силы получают грамоту за ударный труд, скудное вознаграждение и отправляются в утиль.

Можно было побороться за себя, но неожиданно я поняла, что не горю желанием вести бесполезную окопную борьбу, которая отнимет последние силы.

Так я стала пенсионеркой. В свои пятьдесят пять. Со стройной девичьей фигурой, весом, равнявшимся прожитым годам, молодежавым лицом с редкими мимическими морщинками, ухоженными ногтями, хорошей стрижкой, с умным взглядом золотых карих глаз, с несколькими новыми нарядами в шкафу, купленными специально к зиме, и с... душой на протезах.

Одна. Без мужа, без детей, без подруг.

Муж был в далекой молодости, но быстро сбежал из боязни стать подкаблучником. Я всегда была «командиром в юбке», как прозвал меня отец. Я не могла изменять своим принципам. Скорее всего, первого и единственного мужа я попросту не любила, иначе запрятала свои принципы куда подальше, а не кичилась бы ими.

Рожать детей без мужа я не решилась. Ребенок должен жить в полноценной семье, чтобы понимать, что такое СЕМЬЯ и какую роль в ней играет каждый ее член. Я не виню одиноких мамочек, они вызывают у меня уважение, просто я на многие вещи смотрю согласно данному воспитанию. Мои родители были коммунистами. Не фанатичными, а правильными и преданными. Правильность заключается в их убеждении: надо прожить жизнь так, чтобы не было стыдно перед людьми. Почти по Николаю Островскому, у которого окончание звучит иначе: «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Но и эта часть тоже подходила моим родителям. Теперь о преданности. Когда все отрецивались от Коммунистической партии и бросались партийными билетами, они тихо возмущались, продолжали посещать партсобрания и платить взносы со своей мизерной пенсии. Я не высказывала вслух собственных демократических взглядов. Не потому, что боялась диспутов, я берегла родных и их и без того потрепанные души, мечущиеся в непонимании действительности. В середине девяностых родители тихо покинули меня один за другим. В то время меня спасла работа. И человек, внезапно возникший на моем пути.

Он был женат. Я не требовала у него равным счетом ничего. Я хотела любви. Взаимной любви! Хотела купаться в ней, как когда-то купалась в родительском обожании. В моем голосе исчезли командные нотки, я стала мягче и терпимее, превратилась в домашнюю кошечку, которая каждый вечер с нетерпением ждет хозяина. Кошечка мурлычет и никогда не показывает коготки.

Наверное, мужчины предпочитают стерв. Сначала их устраивает созданная не ими атмосфера тепла и уюта, затем они начинают ею тяготиться, злиться и вымещают злость на человеке, который позволяет им так себя вести. В результате рождается презрение к «бесхребетному» существу, как называла подобных терпеливых женщин моя покойная мать.

Однажды я прозрела, указала мужчине на дверь и попыталась заразить его амнезией – он был обязан забыть дорогу-лабиринт в мой дом. Почему заразить? Но я сама заболела амнезией, когда забыла о вбиваемых родителями в голову принципах морали и поведения женщины, которая обязана себя уважать и этим вызывать ответное уважение к себе.

Выгнала и не учла тот факт, что была беременна. Не раздумывая пошла к врачу и избавилась от ребенка. Тогда я не жалела об этом ужасном поступке. Я всегда отличалась категоричностью мышления.

Но это было тогда... В ту пору мне стукнуло тридцать пять лет.

Через год я раскаялась. Я рыдала по ночам в подушку и мысленно представляла себе своего малыша. Я чувствовала его запах, я слышала его голос. Я едва не сошла с ума. Но меня вновь спасла работа. Я растворилась в ней, как растворяются в любимом мужчине или в ребенке, о котором ты мечтал многие годы.

Понятие «личная жизнь» перестало для меня существовать. Я не замечала заинтересованных мужских взглядов на улице, не реагировала на комплименты. Боязнь новых отношений, за которыми обязательно наступит горькое разочарование, создали вокруг меня непробиваемую оболочку. Я не чувствовала ничего. Я была сделана из бронированной стали.

Безэмоциональное существо среднего рода.

Но однажды нашелся умелый воин, который пробил мою броню.

Это случилось во время летнего отпуска, когда я оказалась в Крыму. Мы жили в одном санатории и сидели за одним столом.

На его заявление о том, что он холост, я ответила презрительным взглядом и вернулась к трапезе. Супружеская пара, которая подседа за наш столик, загорелась желанием стать сводней. Они прилепились ко мне и не забывали таскать за собой нового знакомого, приехавшего в Крым с Севера. Он не сводил с меня влюбленных глаз. К многозначительным взглядам добавились уговоры сводни, жаркое южное солнце, безделье между процедурами, которые окончательно растопили мое стальное сердце. Я превратилась в капризную женщину, выдающую порциями свои невыполнимые желания. То ли мужчина с Севера был, действительно, влюблен, то ли ему доставляла удовольствие наша игра, разбавившая однообразную курортную жизнь, но он безропотно сносил мои капризы и увивался вокруг меня как та змея на рюмке, символизирующая нашу медицину. Темным влажным вечером я пригласила мужчину к себе в номер, чем повергла его в полуобморочное состояние. Но он оказался на высоте. Секс оказался семнадцатизэтажным зданием без лифта. Мы долго поднимались пешком, а потом рухнули вниз на канате, обхватив его руками и ногами, после чего погрузились в трепетный сон.

Утром мужчина с Севера покинул меня, волнуяще расцеловав на прощание.

Пока он сидел в столовой за завтраком и с нетерпением ждал моего появления, я в это время мчалась на такси в аэропорт Симферополя. Объяснение было простым - не хотела разочаровываться. А разочарование придет: добившийся цели победитель ведет себя иначе, чем человек, который идет к мечте, применяя методы оболъщения.

Признаться честно, я сама боялась увлечься им.

Мне не нужны проблемы. Я не хочу переживать вокзальные расставания и выслушивать бесконечные обещания, за которыми одна пустота.

Я больше не верю мужчинам. Я никому не верю. И у меня есть работа. Ей я отдаюсь с большей охотой, чем очередному воздыхателю.

Курортный роман едва не получил продолжения.

И надо же было ляпнуть, где и кем я работаю. Мужчина с Севера узнал мой рабочий телефон и позвонил через пару месяцев после моего бегства из Крыма. Я не сразу поняла, с кем говорю. Но он назвался и скабречно добавил: «Привет из Крыма!»

Я содрогнулась, словно случайно проглотила поганку в общей массе съедобных грибов. - Какой еще Артур Игнатов? Я не знаю никакого Артура Игнатова!.. Да, меня зовут Марта Михайловна Наумова. И я не отдыхала в Крыму. Все лето я провела на работе, это могут подтвердить мои сослуживцы, муж и трое детей.

Сообразительность всегда была одной из моих главных черт.

Мужчина с Севера опешил и стал умолять меня вспомнить свою знакомую, которая могла назваться моим именем. И досконально описал внешность женщины, которая уехала не простившись. Естественно, точное описание подходило мне. Я удивилась его тонкой наблюдательности.

- У меня нет таких подруг! – четко выговорила я и попросила впредь сюда не звонить. Что-то понесла про ревнивого супруга и бдительных сотрудников, про собственную занятость и начала «вспоминать» о злодейке-свекрови, мечтающей разрушить мой брак. Артур Игнатов извинился и положил трубку, не дослушав меня до конца. И слава богу, неизвестно, чем бы закончилась беседа о моей личной жизни.

Я осторожно опустила трубку на рычаг и стала нервно тереть ледяные ладони друг о друга, пытаясь согреть их проверенным способом. Весь день у меня все валилось из рук. Глупые мысли лезли в мою голову, но я их отгоняла.

- У меня все прекрасно. Я живу так, как хочу. Мне не надо ни перед кем отчитываться, начальство я не имею в виду. Мне не надо никому угождать, преклоняться, лебезить, тем самым теряя собственное достоинство. Я живу в угоду собственных желаний. Хочу готовлю, хочу не готовлю. Хочу валяюсь в выходной день в кровати до полудня, а хочу, поднимаюсь с рассветом и еду в лес. Хочу делаю уборку в квартире, хочу не делаю. Да, и зачем? У меня идеальный порядок, я целыми днями на работе, сорить некому. – постоянно бормотала я, как заклинание.

Через год воспоминания о мужчине с Севера были не так остры, как прежде.

У меня есть любимая работа... Была...

Теперь у меня ничего нет... И никого...

Пока осмысление конца не наступило, надо чем-то себя занять. Или найти подругу.

Подругу, которая станет ежечасно звонить и пересказывать скучный сериал. Или давать глупые советы. Или делиться воспоминания о прошлой жизни, не интересуясь моими желаниями. Или навязывать кулинарные рецепты и грозиться прийти ко мне в гости, дабы попробовать сей шедевр кулинарного искусства, чтобы сравнить его с собственным творением.

Мне не нужна показная радость и лишние хлопоты.

Пусть будет искреннее уныние и спокойствие.

Глухая осень. Я тоже всегда была глухой к чужим проблемам и переживаниям.

Только глухой поймет глухого. Я хочу уединиться с осенней природой и мысленно делиться с ней своими горькими чувствами... Она меня молча выслушает и поймет... Но где найти такое место, где нам никто не помешает?

Внезапно я вспомнила о том санатории, из которого сбежала после ночи любви.

Сколько прошло лет?... Семь или восемь... Кажется все произошло не со мной. В то время я была женщиной на руководящей должности. Женщиной, занятой делом. Женщиной, которая не думала о грядущей пенсии, которая не так остро реагировала на позднюю осень. Она считала ее хрустальной, царственной, янтарной, пышной, нарядной, яркой, но не серой, унылой, гнилой, дождливой, чавкающей и глухой. Глухой к ее мольбам, к ее несбывшимся мечтам.

Искусственно рафинированная прежняя жизнь перешла в заключительную стадию подведения итогов. И лучше это сделать, сменив обстановку, чтобы чуть-чуть, совсем немного, обмануть себя и разбавить горькую правду щепоткой сахара. Для того, чтобы успокоить и продлить жизнь на несколько лет. А не добить страшным выводом: ты жил неправильно, и час расплаты наступил!..

Для начала я отправилась в туристическое агентство «Вояж», где всегда приобретала путевки. Моя прежняя жизнь позволяла мне откладывать на летний отдых. Я по инерции пошла в турфирму, изучила прайс-лист с информацией об отдыхе в ноябре, внимательно

выслушала старую знакомую Маргариту, которая забросала меня предложениями об отдыхе в теплых странах, переключая мое внимание с непонятого ей Крыма.

- В Судаке в это время года отвратительно! – с азартом говорила она. – Ноябрь – самый холодный и влажный месяц в Крыму. То ли дело Таиланд!

При этих словах девушка закатывала глаза, мысленно предаваясь собственным воспоминаниям.

Я стояла на своем, решив, что погода должна соответствовать настроению. Когда девушка взяла передышку, я поблагодарила ее и поспешно покинула туристическое агентство.

Моя материальная несостоятельность не позволяла мне воспользоваться услугами «Вояжа». Надо менять привычки! Это еще одна составляющая безрадостного пенсионного возраста. Конечно, я неприхотлива в еде, что позволит создать материальный запас на черный день, но неизвестно, когда этот день наступит и какие у прожиточной экономии «поглощающие» способности.

Надо ехать на железнодорожный вокзал и брать билет до Феодосии, а оттуда до Судака рукой подать. – решила я.

Но как оказалось поезда в ту сторону ходили только до конца октября. Мое странное желание попасть в безлюдный промозглый Крым удивило бы многих, но я считала, что смена обстановки позволит мне сменить уныние на уверенность – жизнь с приходом пенсии не остановилась, я смогу справиться с создавшейся ситуацией и изменить ее.

А сейчас кто-то вставляет мне «палки в колеса», не желая дать мне шанс.

Я присела на пластиковое вокзальное сиденье и задумалась. Рядом со мной опустилась старушка, вызвав во мне неприязнь – весь ряд был пуст, незачем пристраиваться в непосредственной близости и мешать моим размышлениям.

- В Крым хочешь уехать? – без обиняков поинтересовалась она.

- Откуда...

- Слышала у кассы, как ты интересовалась билетами до Феодосии, - перебила она меня, ту же завязывая под подбородком концы шерстяного платка.

Я промолчала. Журить ее за любопытство я не имею права, а делиться планами с незнакомым человеком считаю nepозволительным.

- А не ходят поезда-то, - хмыкнула она, снова принимаясь за платок. Я испугалась, что она себя задушит, но бабушка решительно развязала надоевший платок и стянула его с головы, обнажив седые волосы, скрученные сзади «в дульку».

Старушка была опрятной и говорила правильным языком. На ней было болоньевое пальто салатного цвета с большим отложным воротником, а на ногах черные добротные полусапожки с меховой оторочкой. В руках женщина держала тканевую хозяйственную сумку на молнии.

- Уезжать собрались или встречаете знакомых? – неожиданно разговорилась я, почувствовав к старушке доверие.

- Сына жду, - доложила она и посмотрела по сторонам, боясь пропустить упомянутого сына.

- Приезжает в гости, - догадалась я.

- Нет, пошел на стоянку машину забрать. Я тут неподалеку живу, сынок гостил у меня, а сегодня уезжает.

- Автомобиль на привокзальной площади оставлял?

- Здесь ближе всего... Недельку всего-то побыл. Больше не может, отпуск дали всего на десять дней, - пожаловалась бабуля.

- Это хорошо, когда он... незаменимый работник, - печально протянула я.

- Он работает на табачной фабрике в Феодосии, - доложила она и со значением добавила,

- и не простым рабочим. Он у меня при должности! – похвалилась гордая мать, не раскрывая тайны до конца. – Женат на украинке, трое деток. Старший сын школу

окончил, поступил в институт, а двое младших еще в школе учатся. Я их редко вижу, - вздохнула она.

- У вас еще есть дети?

- Есть дочь, со мной живет. Ей сорок девять лет, замужем не была, все наукой занимается. Биологией. Доктор наук. На личную жизнь все времени не было. Вот умру я, а она останется одна на всем белом свете, - всхлинула старушка. – Брат далеко... И чужие они. Ванечка давно в Украину перебрался, еще до развала Союза. В Армии там служил... Отвык он. И от меня, и от сестры.

- Но он вас не забывает, взял отпуск и приехал проведать. – мне захотелось утешить пожилую женщину.

- Он больше по друзьям ходил, чем со мной сидел, - пожаловалась она, склонившись к самому уху, будто Ванечка мог подслушать. – А какой ему интерес со старухой-матерью разговаривать? Я только о своих болячках толкую. - Тут же привела она аргумент в его защиту.

Я не успела ничего сказать. Рядом с нами вырос крупный мужчина лет сорока пяти. Он уважительно поздоровался со мной и обратился к старушке.

- Мам, я машину проверил, могу ехать.

- Ванечка, а я тебе попутчицу нашла! – весело произнесла старушка, указывая на меня. – Этой женщине надо в Феодосию, а поезда не ходят.

- Что Вы, - отрицательно замотала я головой. – Я приехала на вокзал навести справки.

- То-то ты стала такая понурая, как... навела справки, - прищурившись, заявила моя собеседница. Повернулась к сыну и приказала, - Ваня, надо помочь человеку!

- Почему бы не помочь, - быстро согласился Ваня. – Вдвоем ехать веселее, да, и путь кажется короче.

- Но я без вещей. – сказала я, окончательно сбрендив от напора, и развела в сторону руки.

- А вы далеко живете? – заинтересовался мужчина, словно напрашивался ко мне в гости, и его предрасположенность напрямую зависела от расстояния.

- Три остановки на автобусе, - задумчиво доложила я.

- Могу Вас подвезти и подождать, пока вы соберете дорожную сумку, - предложил мужчина.

- Мне неудобно, - пробубнила я, запутавшись в собственных желаниях и внимании со стороны незнакомых людей. К тому же я не привыкла быть обязанной.

Мать и сын посмотрели на меня с осуждением.

И я сдалась.

- Давайте сделаем так: Вы, Иван, останетесь с матерью и еще немного пообщаетесь, а я поеду домой, быстро соберу вещи и вернусь на вокзал.

Это кто сказал? Неужели я? Здравомыслящая женщина уважительного возраста.

Но мне захотелось ответить согласием на неожиданное предложение. И захотелось отложить расставание родных людей.

Молодец, нашла правильное объяснение! Сообразительная... пенсионерка!

- Даю на сборы час. Достаточно? – с мягкой улыбкой, точь-в-точь как у сидящей рядом матери, спросил сын.

- Вполне! – бросила я на ходу...

Что я делаю?! – мысленно взывала я к собственному разуму, кидая вещи в дорожную сумку. – Еду в компании совершенно незнакомому человеку в город, где когда-то почувствовала себя счастливой. Но не приняла это счастье, посчитав его ненужным и обманчивым...

Я вернулась на вокзал через сорок минут и удивленно осмотрелась: ни старушки, ни ее сына нигде не было.

- Судьба, - неожиданно вырвалось у меня.

Я опустила на то самое сиденье, где некоторое время назад сидела мать Ивана. Сумка пристроилась у моих ног, наклонив ко мне ручки, будто успокаивала и сожалела о случившемся.

- Сама виновата, - со злостью выговорила я, согнувшись, опустив локти на колени, и закрыла лицо ладонями.

Что же теперь делать? Возвращение домой окончательно меня доконает, и вряд ли найдутся силы вытащить себя из депрессии. А если подойти к кассе и взять билет наугад?.. Авантюризм чистой воды!

Пока я мысленно предлагала и опровергала собственные предложения, рядом раздался уже знакомый голос.

- Пришли! – радостно произнес Иван.

- Пришла, - согласно кивнула я, отрывая локти от продавленных коленей.

- А мы в кафе пили чай, - похвалилась счастливая старушка, - а к назначенному часу вернулись... А ты давно ждешь?

- Только что пришла, - соврала я, уточнив время по круглым часам, висящим высоко на стене. Размышления, раскаяние и уговоры заняли двадцать минут.

Мы вышли на привокзальную площадь. Я повертела головой, надеясь угадать автомобиль, на котором мне предстояло отправиться навстречу приключениям. Ивана я ассоциировала с ладой «Калина». Скромная и доступная по материальным меркам машинка. Но оказалось, что я ошибалась. Мужчина подвел нас к Шкоде «Октавия». Симпатичный ухоженный автомобиль весело нам подмигнул. Я оценила представителя чешского автопрома и покосилась на владельца, будто искала общие черты. Удивительно, но я их нашла. У Ивана были глаза насыщенного серого цвета – цвета влажного асфальта, как цвет его автомобиля. И мужчина выглядел таким же надежным, как проверенная на наших дорогах «школа». О ее характеристиках я была наслышана от моей подчиненной, супруг которой взял такой же автомобиль в кредит, и нисколько не прогадал.

Странные сравнения хозяина и его четырехколесного коня успокоили меня и заставили забыть о сомнениях. Я первой попрощалась с женщиной, которая поддержала меня в трудную минуту, и отошла в сторону, чтобы не мешать ее грустному расставанию с сыном. Старушка едва сдерживала слезы. Я знала, о чем она горюет – неизвестно, придется ли еще свидеться?

Потом мы сели в машину, я повернулась к стоящей неподалеку сгорбленной женщине, по щекам которой потекли ручьи слез, не удержалась и выскочила из салона. Обняла ее и стала успокаивать. Я шептала ей простые слова утешения. И достучалась до страдающего сердца матери.

- Поживу еще, - усмехнулась она сквозь слезы. – Еще правнуков понянчу, а может, дочь замуж выдам!

- Какие ее годы! – поддержала я.

- Спасибо тебе, девонька, - с чувством сказала старушка.

- И Вам спасибо... Забыла спросить, как Вас зовут?

- Ангелина Евгеньевна Крышкина.

- А меня Марта Михайловна Наумова. Марта. Я у сына возьму Ваш адрес. Когда вернусь, обязательно забегу.

- Обязательно! - подчеркнула Ангелина Евгеньевна...

Разговор с Иваном завязался легко. Хотя, я чувствовала поначалу себя неудобно.

Мужчина рассказывал о себе, о работе, осторожно вклинивая вопросы обо мне. Когда он узнал, что я вышла на пенсию, то оторвал взгляд от дороги, чем поверг меня в ужас, внимательно изучил мое лицо и выдал.

- Вы, Марта, наверно, балерина?

- Почему балерина? – хмыкнула я. А когда представила себя в пачке, второй справа в четверке маленьких лебедей, то и вовсе расхохоталась, вызвав ответный смех у водителя. – Так почему балерина? – успокоившись, повторила я вопрос.

- Потому что они рано выходят на пенсию! – передернул крепкими плечами Иван.

- Комплимент, вызывающий недоверие. – парировала я без обиды.

- Я Вам больше...

- Закроем тему! – резко перебила я, не желая портить себе настроение и разочаровываться в новом знакомом.

- Хорошо, - благодушно согласился мужчина и перешел на мое семейное положение.

Он вел себя, как любопытный мальчик, поэтому не вызывал недовольства. Мне было смешно наблюдать, как он причмокивает губами, как вскидывает брови, как вертит головой, контролируя дорожную ситуацию. Иван производил впечатление абсолютно счастливого человека, который получает удовольствие от каждого прожитого дня. Он открыт. И этим все объясняется. В него свободно входит счастье и заполняет все части тела, не оставляя места для горя. Где счастье там свет, радость, легкость, любовь, детская непосредственность, доброта.

Я поняла, в чем причина моих несчастий. В моей закрытости. В непробиваемости. Только более сильные чувства способны проникнуть в меня. Сильные и диаметрально противоположные. Причем отвратительные чувства обладают повышенной проникающей способностью, опережая возвышенные, которые тушуются перед наглухо закрытой дверью души.

Не скажу, что я стораю от зависти или от злости, я была заполнена преданностью своей работе. Теперь мне поклоняться и преклоняться не перед чем. Пустота требует заполнения. Мне нужны положительные эмоции от ностальгических воспоминаний.

Я оторвалась от беседы, но Иван был человек необидчивый. Не дождавшись ответа на вопрос о моем семейном положении, он перешел к рассказу о своем собственном. Я мало что поняла, кроме того, что супругу зовут Анна, и она домохозяйка. Иначе нельзя - на ее плечах трое детей и муж, пропадающий на работе с утра до ночи.

- Я не замужем, - призналась я, когда водитель замолчал.

- Какие Ваши годы! – весело сказал Ваня, в точности повторив мои слова, сказанные в адрес его сестры. – С выходом на пенсию человек только жить начинает.

- Начать можно в любом возрасте,- философски заметила я.

- А хотите я Вас с соседом познакомлю. Он вдовец, в наш город переехал год назад. Раньше жил на Севере.

- Где? - вздрогнула я, будто услышала о новом месте на карте мира, куда ступала всего одна нога – соседа Ивана Крышкина.

- Где-то на Севере, точно сказать не могу. Я с ним мало знаком, он больше с моей женой общается. Аня – женщина отзывчивая, старается помочь одинокому... немолодому человеку.

Я догадалась, что Ваня хотел сказать – пожилому человеку, но вовремя затормозил - не решился охладить интерес женщины, который едва начал загораться.

- А как зовут вашего соседа? – безразличным голосом спросила я. Так мне казалось. На самом деле голос предательски вибрировал. Кончики пальцев стали покалывать, словно я крепко проспала несколько часов, сложив голову на скрещенные ладони.

- Семеныч, - удовлетворенно заключил Крышкин, считая этого достаточным для создания крепкого семейного союза.

- У Семеныча есть имя и фамилия? – с рвущимися наружу нотками недовольства поинтересовалась я.

- Есть, - дернул головой Ваня и покосился на меня, ожидая подсказки.

- Ну?

- Я не знаю. Когда познакомились, он назвался Семенычем, а паспорт не предъявлял.

- Жаль, что не предъявлял, - задумчиво протянула я, вызвав удивление на лице мужчины. Он нахмурился, выказывая буксующую работу ума. Вывод из размышлений был озвучен, причем оставлял собеседнику право на домысливание.
- Да, нет... Не может быть...
- Вы о чем? – не выдержала я, решив, что домыслить такую заковыристую тираду не в моих силах.
- Семеныч мужик положительный! – с грустью сообщил он, будто сей факт смущал его.
- Это он Вам сказал?
- Он не бахвал, чтобы бить себя кулаком в грудь и доказывать всем, что он ведет правильный образ жизни. Семеныч... не курит, не пьет, много читает. У него большая библиотека.
- И какую он предпочитает литературу?
- Историческую. В основном о русских царях. – Крышкин заметил мой удивленный взгляд и поспешно произнес, - не думайте, он нормальные книги тоже читает.
- Нормальные это какие?
- Ну, не женские романы о любви, конечно, но детективный жанр уважает. Я сам у него брал несколько книг Марининой. Это из наших, а из зарубежных любит Жоржа Сименона.
- А Конан Дойля? – спросила я, пряча улыбку. Волнение сводника Ивана и его желание наделить соседа положительными чертами меня забавляло.
- У него есть полное собрание сочинений! Мои мальчишки с удовольствием читают.
- Все дети зачитывались рассказами о Шерлоке Холмсе и его друге докторе Ватсоне. И я не исключение.
- А сейчас?
- Сейчас я тоже люблю детективы. Но не выношу море крови и жестокость. Читаю книги, чтобы отвлечься от реальности, предпочитаю интеллигентные запутанные детективы. – про то, что в детективах должны присутствовать любовные переживания я умолчала.
- Думаю, в библиотеке Семеныча есть книги на Ваш вкус.
- Ваня, я не хочу останавливаться в Феодосии, моя цель – Судак.
- И что там в эту пору делать?
- Гулять и наслаждаться тишиной!
- Через день Вам наскучит одиночество и прогулки под порывистым ветром.
- Когда наскучит, вернусь домой.
- А как же Вы вернетесь, если поезда не ходят! – забеспокоился мой попутчик.
- Как-нибудь, - беспечно отмахнулась я. – на перекладных доберусь до... Симферополя. Надеюсь, оттуда легче добраться до дома.
- Внезапное озарение было подобно удару молотком по голове. А почему я заикнулась на Феодосии? Почему бы мне сразу не взять билет до Симферополя, а оттуда добраться до Судака? Ответ нашелся быстро – этим маршрутом я следовала семь – восемь лет назад, когда приобрела путевку в санаторий. Это обратно я улетала из Симферополя, желая быстрее добраться до дому.
- А у Семеныча есть машина! – с намеком произнес Крышкин, вырывая меня из волн озарения.
- А мне нет дела до его автомобиля! – резко осадил я водителя.
- Уверенность, что Семеныч носит имя Артур и фамилию Игнатов испарилась вместе с рассказом о его литературных пристрастиях. За те дни, что я была знакома с мужчиной с Севера, он ни разу не взял в руки газету или журнал, не то, что книгу. Он, вообще, ни чем не интересовался. Не играл в шахматы, передвигая здоровенные фигуры по доске-столу, не ударял теннисной ракеткой по белому шарик, не перекидывал мяч через сетку. Он с завидным упорством посещал все процедуры, а в остальное время слонялся по территории

санатория, выискивая меня. В случае удачи ходил за мной по пятам, и рассуждал на темы взаимоотношений мужчин и женщин, находящихся на закате жизни. И главный вывод из всего вышесказанного был следующим: с неожиданным приходом острых ощущений закат жизни переходит в рассвет.

Разговоры вводили меня в транс, иначе я бы никогда не повела себя так, как повела семь лет назад. Или восемь.

Неужели я снова пытаюсь оправдать свое непристойное поведение? Или пытаюсь спрятать разочарование, пришедшее на смену робкого интереса к соседу Крышкина?..

В Феодосию мы прибыли на рассвете. Я вертела головой по сторонам, стараясь сквозь пелену тумана рассмотреть город. Не успела - Иван лихо свернул в маленький двор и затормозил у подъезда.

- Приехали! – устало, но радостно заключил он.

- Надо было мне выйти у автовокзала, - опомнилась я.

- Сначала вы отдохнете, а потом видно будет, - рассудил Крышкин. Прихватил мою сумку и направился к подъезду.

- Ваня, - на ходу затараторила я, - мне неудобно! Вы и так оказали мне неоценимую услугу.

Между тем мужчина подошел к двери, не обращая внимания на мой лепет. Галантно пропустил меня в подъезд, и затормозил, не имея возможности обойти мою хрупкую фигуру, не желающую двигаться дальше.

- Что скажет Ваша супруга? – привела я веский довод.

- Аня будет только рада. Я скажу, что Вы знакомая моей матери.

- А это уже ложь. Любой вопрос об Ангелине Евгеньевне поставит меня в тупик.

- Моя жена сама задает вопросы, сама на них отвечает, так что по этому поводу можете не волноваться... Выспитесь, а потом...

- С Вашим соседом я знакомиться не собираюсь! – отрубил я.

Стараясь заглушить разочарование, о чем я боялась признаться самой себе, я пришла к выводу, что с человеком за последние годы могла произойти метаморфоза – раньше не увлекался чтением по причине занятости, а с выходом на пенсию стал наверстывать упущенное.

Ностальгия по прошлому могла разыграть не только у меня. Артур Игнатов мог вернуться в Крым, где воспоминания могут вернуть замороженные чувства и убавить пугающий возраст. Или мужчин возраст не пугает?

Пугает! Но они не так самоотверженно борются с ним, как большинство женщин, часто доходя в борьбе до абсурда...

Я думала, что супруга Ивана встретит нас полусонной и будет долго вникать в смысл сказанного вернувшимся хозяином. И ошибалась. Нам открыла дверь бодрая улыбчивая женщина, которая была похожа на свою свекровь. Теперь я могла представить, как выглядела Ангелина Евгеньевна лет тридцать назад. Анна не дослушала объяснений мужа, сказала, что у меня красивое имя, быстро перешла на рассказы о детях, которые пока спят, кроме старшего, студента, который на несколько дней уехал к другу.

- А учеба? - сразу встрял возмущенный родитель.

- Товарищ попросил помочь, - расплывчато пояснила жена, а мне показалось, что товарищ женского рода.

В этом я убедилась, когда Анна привела меня в комнату отбывшего студента. Она понизила голос и доверительно сообщила, что Сергей поехал знакомиться с родителями Светы, его невесты, но отец пока не знает о существовании этой невесты, хотя, сын встречается с ней уже больше года.

- Меньше знает, лучше спит, - сказала Анна, окидывая оценивающим взглядом небольшую комнату, - надеюсь, Вам здесь понравится.

- Мне не хотелось бы вас стеснять...

- Ерунда, - отмахнулась словоохотливая женщина и предложила умыться с дороги.

Потом я переместилась в кухню, где на столе возвышалась стопка блинов, сметана, мед и варенье. Хозяйка придвинула мне все одновременно и стала подкладывать на тарелку аппетитные блины.

В кухне было уютно, тепло и... шумно.

Я мечтала о тишине и покое. Променять привычное одиночество на шумное общение я была не готова. Поэтому после завтрака я поблагодарила Ивана и Анну, прихватила сумку и отправилась на автовокзал. Но едва вышла из подъезда, как меня догнал Крышкин.

- Марта, я хочу подвести Вас, - сказал он и распахнул дверцу надоевшей мне за долгий путь «Шкоды».

- Ваня, я сама доберусь! – решительно отвергла предложение, натянуто улыбнулась и хотела уже удалиться, как мужчина схватил меня за локоть, едва не свалив с ног.

- Семеныч, - зашептал он мне на ухо таким тоном, словно увидел привидение.

Я завертела головой.

К нам приближался высокий худощавый мужчина в спортивном костюме. Поверх костюма была надета светлая куртка с поднятым воротником, на голове – модная черная бейсболка с большим козырьком, на ногах - кроссовки. Сосед Крышкина походил на бывшего спортсмена, перешедшего на тренерскую работу.

Я впилась взглядом в его лицо и... не поняла – был ли он Артуром Игнатовым? Этот был обычным мужчиной и тот был обычным мужчиной. Это был выше среднего роста, и тот. Этот был подтянутым без лишнего веса, и тот. Я решила проследить за его реакцией.

Мужчина подошел к нам, натянуто улыбнулся, пожал руку Ивану и кивнул мне. Никакого интереса или удивления в его глазах не мелькнуло. И это понятно – женщина пенсионного возраста не привлекает мужчин. Даже тех, кто значительно старше ее. А о мимолетном курортном романе он давно забыл. Мало ли было в его долгой жизни женщин, чтобы всех помнить.

Мужчина с седыми висками, безразличным взглядом и слегка сутулой спиной был незначительно старше меня, всего-то лет на пять, но считал меня, по всей видимости, древней старухой, которая обязана сидеть на печке и ждать конца.

А почему я себя «накручиваю»? Неужели я ждала откровенных взглядов или банальных комплиментов? Ни того, ни другого. Просто обидно чувствовать себя поленом, не вызывающим эмоций.

Крышкин успел нас познакомить, я пребывала в грустных раздумьях, но руку автоматически протянула. Сосед слегка пожал мои пальцы и назвался Аркадием Семенычем.

Я напряглась. Имя Аркадий при желании легко превращалось в Артура. А смысл? Смысл ясен, как июльский полдень: хотел скрыть настоящее имя, чтобы после завершения курортного адюльтера его никто не нашел. Следовательно, фамилия Игнатов была тоже вымышленной. И она должна быть созвучной с фамилией соседа Ивана.

Мужчина не задержал мои пальцы в своей мягкой приятной ладони. Повернулся к соседу, чтобы продолжить начатую беседу, но я решила идти до конца.

- Аркадий Семенович, а как Ваша фамилия? – напряженным голосом ответственного стража порядка поинтересовалась я.

- Фамилия? – переспросил мужчина, удивленно вскинув брови.

Увиливание от ответа заставило нас с Крышкиным переглянуться.

- Фамилия, - поддакнул Ваня и зачем-то взял меня под руку. Он походил на заботливого родителя, который в последний момент передумал передавать из рук в руки свою дочь будущему зятю.

- У меня... неблагозвучная фамилия, - стушевался Семеныч.

- Ничего, мы как-нибудь переживем, - многообещающе пробасил мой новый знакомый и сместил руку с локтя на мое плечо, будто пытался заранее успокоить и поддержать.

- В моем доме прошу не выражаться, - боязливо пролепетала я и нервно хмыкнула. Пыталась снять напряжение, а выставила себя в неприглядном свете.

Аркадий снял с головы бейсболку и пару раз обмахнулся ею, будто на улице было лето, а не серый промозглый ноябрь. Затем снова натянул кепку, начиная с затылка.

Никак не придумает себе псевдоним, - мысленно решила я. – Но каков артист! Он меня узнал! Но сделал вид, что впервые видит, отсюда и напускное безразличие.

Мне надоел этот цирк. Я сбросила руку Ивана со своего плеча, наклонилась к раскрытому багажнику, чтобы забрать свою дорожную сумку, и это время услышала.

- Шмаровоз!

- Семеныч, ты сейчас кого имел в виду? – с угрозой в голосе спросил Крышкин. – Меня или мой автомобиль?!

Я оставила в покое свои вещи и переместилась за спину владельца авто, чтобы не пострадать в пылу разгорающейся потасовки.

- А еще умные книги читает! – озлобленно бросил Иван, подтягивая рукава.

- Ванюша, ты меня не так понял, - начал оправдываться Аркадий, отступая на шаг, – подобной реакции я ожидал, именно по этой причине не называю свою фамилию при знакомстве! Тем более при знакомстве с женщинами.

- Так это Ваша... фамилия? – хором спросили мы.

- Шмаровоз Аркадий Семенович, - с грустью озвучил мужчина.

- Нашел о чем печалиться! – попытался успокоить соседа Крышкин и выпустил меня в первый ряд, предоставляя мне право продолжить беседу.

- Иван прав, - проблеяла я и зыркнула на упомянутого Ивана, намекая на свою некомпетентность в вопросах успокоения. На ум пришел старый анекдот о сыне, который жалуется отцу на форму своей головы. Тот гладит его по горе –голове, цепляясь за углы, и приговаривает: «Не плачь, сынок, она у тебя круглая». Поэтому лучше я промолчу, чем нести ерунду типа: «Что Вы, что Вы, Аркадий, у Вас прекрасная редкая фамилия! Удивительно, что вы прожили с ней всю жизнь и не додумались ее поменять?.. Извините, что интересуюсь, но брала ли Вашу фамилию ныне покойная супруга? Или оставила себе девичью фамилию?»

Крышкин прочел мои мысли и ляпнул.

- Семеныч, а как звали Вашу жену?

Зашел издали, желая услышать сочетание имени и отчества, чтобы потом скрестить его с неблагозвучной фамилией.

- Алевтина Петровна... - непонимающе проговорил Аркадий.

- Алевтина Петровна, - протянул Иван, мысленно ставя многоточие, и от ожидания продолжения вытянул вперед шею.

- Алевтина Петровна... Шмаровоз. – окончательно сник мужчина и нервно скрутил в трубочку газету, которая до этих пор выглядывала из кармана куртки.

Я почувствовала себя забиякой-школьницей, которая вместе с одноклассником, подтрунивает над новичком, пришедшим в их класс.

Из груди ушла ноющая боль, которая терзала меня последнее время. Из пенсионерки я превратилась в задорную пионерку, которой не хочется грустить. И зачем? Когда впереди вся жизнь, наполненная новыми знакомствами, событиями и чувствами.

Откуда-то издали раздался голос Анны Крышкиной.

- И долго вы будете там стоять? На улице так промозгло, а они стоят! Нет бы, вернуться домой, выпить чаю с блинами, а они... – беззлобно высказалась она.

Я повертела головой и заметила ее на лоджии. Женщина куталась в пуховый платок, бросала нам реплики и успевала оглядываться назад, чтобы отдать очередной приказ проснувшимся детям.

- Анюта, мы скоро, - крикнул ей муж и шепотом обратился к нам с Аркадием, - странные существа эти женщины, - при этих словах я недовольно поджала губы, но вмешиваться не стала. – То болтают без умолку, трезвоня обо всем и обо всех, то из них признаний клещами не вытащишь.

- Ты это о чем? – спросил сосед, радуясь смене темы разговора.

На меня он теперь поглядывал с явным интересом. Я догадалась, что первоначальное безразличие было связано с грядущим представлением по всей форме. По неизвестной причине дамы предпочитают услышать фамилию нового знакомого, будто от нее зависит, продолжится ли общение.

- Я о нашем сыне. О Сергее. Я знаю, что он встречается с хорошей девушкой и у них серьезные намерения, и все жду, когда Анька поделится новостями, но она молчит.

- А ты откуда знаешь?

- Перед моим отъездом к матери Серега попросил денег. Я не жлоб, но должен знать, на что он их потратит. Сын ответил, что собирается поехать в гости к родителям невесты. Я его пожурил, что сам едет знакомиться с родителями Светланы, а ее нам не представил. Он замаялся и сказал, что мать с девушкой знакома... А мне ни слова!

- Женщины привыкли ставить нас перед фактом, - констатировал господин Шмаровоз, прожигая меня взглядом.

- Женщины не хотят вас, мужчин, загружать проблемами, - вмешалась я, решив заступиться за всех женщин. – И заранее не хотят расстраивать.

- Действительно, у нас проблем хватает на работе, и еще неизвестно, состоится свадьба или молодежь передумает... Но я не расстроился, когда узнал о Свете. – с грустью сказал Иван.

- Оно и видно, - хмыкнула я. – Для каждого мужчины его семья единое целое, а женитьба сына или замужество дочери это болезненное отщипывание от этого целого.

- Мудра, - с уважением произнес Аркадий. Не спуская с меня глаз, обратился к соседу, - Ванюша, а что там Анечка говорила о блинах?

- Пошли! – махнул нам рукой Крышкин, вытащил мою бедную сумку из багажника и направился к подъезду.

- Ваня, я все равно... - начала я.

- Ну, что Вам делать в этом Судаке?! - скривился он, замирая в позе стража у дверей.

- Я не хочу в Судак, я хочу найти недорогую гостиницу и провести несколько дней здесь, в Феодосии, - нашлась я, тушуясь под взглядом симпатичного мужчины со смешной фамилией.

- А чем Вас не устраивает наше жилище? – устало просил Крышкин, которому надоели уговоры.

- Мне... неудобно.

- Можете остановиться у меня, - сразу нашелся Аркадий.

- У вас тем более неудобно!

- Но почему? Я живу один, вы меня не обремените, напротив...

Я, затаив дыхание, ждала, что последует за этим «напротив», но не дождалась. Скорее всего, он пока не решил, какую роль я сыграю в его размеренной устоявшейся жизни. Или решил, но заявить во всеуслышание не спешил.

А с каких пор я жду от мужчин неожиданных признаний, в которые не верю?! Или уже верю? И жду? Неужели я начала медленно выбираться из крепости, в которую заточила себя много лет назад после неудачного общения с женатым мужчиной?

- Скажите, Аркадий, мы с Вами раньше не встречались? – решила я задать терзавший меня вопрос.

- Нет, - уверенно ответил он и отрицательно замотал головой. – Такую женщину я едва ли забыл.

- Но Вы напомнили мне... одного человека.

- Чем я его напомнил?
- Взглядом.
- Когда мужчине нравится женщина, он мечтает прочесть ее мысли по глазам, чтобы понять, есть ли у него шанс. Потому и взгляд такой пристальный.
- И что... говорят мои глаза? – спросила я, натянуто улыбнувшись и не решаясь оторвать от него взгляд.
- Я боюсь произнести это вслух.
- Неужели у меня такие неприличные мысли? - хмыкнула я.
- Я боюсь спугнуть робкий интерес к моей скромной персоне.
- Уставший от ожидания Крышкин, вернулся к нам и недовольно произнес.
- Имейте совесть! Я хочу есть, я хочу спать! А вы... любезничаете!
- Это плохо? – улыбнулся Аркадий.
- Это прекрасно! Но лучше это делать не на голодный желудок.
- Ванюша, мы уже идем, - заторопился сосед.
- Мне понравилось, что он сказал «мы». И не покорило то, что он так быстро соединил себя с незнакомой женщиной.
- Или мы были с ним знакомы раньше? Лет семь-восемь назад?..

За чаем я исподтишка следила за Аркадием, а он старался на меня не смотреть. Все-таки мужчины все разные. Это раньше они были для меня безликой однородной массой.

А почему я ухватилась за первого встречного? Испугалась одиночества?

Я заелозила на стуле, извинилась и вышла из кухни. Прошла в комнату Сергея, взяла свою многострадальную сумку, быстро оделась-обулась и на цыпочках покинула гостеприимный дом Крышкиных.

Слетела со ступенек и пулей выскочила из подъезда. Прошмыгнув через двор, я сбавила шаг и задалась вопросом: Зачем я так поступила?

Испугалась! Испугалась стать домашней собачонкой, заглядывающей в глаза хозяину, который приютил ее из жалости.

И зачем я приехала в Крым?

Нельзя в одну реку зайти дважды.

Могу признаться честно: я не искала места, где два глухих поймут друг друга, я мечтала встретить человека, от которого сбежала. Думаю, он искренне заинтересовался мною. Иначе не стал бы разыскивать меня. Я надеялась, что любовь приведет его в город, где он испытал мимолетное счастье. И не только он. Мы испытали. Но я оказалась трусихой.

Надо возвращаться домой. Не нужен мне Судак. Я ничего не хочу! Мне никто не нужен.

Я махнула рукой проезжающему автомобилю и почувствовала, как кто-то тянет меня за сумку.

- Да, что такое! – возмутилась я, крепче сжимая ручку сумки. Обернулась и увидела Аркадия.

- Марта, я не дам тебе сбежать еще раз. – сказал он и прижал меня к себе.

- Так это ты! – задохнулась я и попыталась выкрутиться.

- Я! – спокойно подтвердил он.

- Аркадий... Или Артур, отстаньте от меня!

Мужчина не отреагировал на мое требование и еще крепче прижал меня к себе.

- Значит, ты не Марта Михайловна Наумова, - усмехнулся он. – И никогда о такой не слышала. И у тебя есть муж, дети и злющая свекровь.

- Но почему ты назвался Артуром Игнатовым? С фамилией ясно, но имя?

- Не знаю, ляпнул, не подумав, а потом было поздно что-то объяснять. Но ты могла заглянуть в мою санаторную книжку.

- Ты на это рассчитывал? Если проверяет, значит, заинтересовалась? Так?

- Что-то в этом роде, - туманно ответил Аркадий, сжимая в ладонях мое обиженное лицо.
- Но почему ты переехал в Феодосию?
- Феодосия близко к Судаку. На весь курортный сезон я хотел перебраться туда, устроиться на работу в НАШ санаторий и ждать, когда ты появишься. Надеялся, что тебе захочется вернуться в тот город, откуда ты сбежала, испугавшись настоящих чувств... Чем старше мы становимся, тем чаще вспоминаем счастливые моменты и хотим испытать их снова.

Я хотела съязвить, но передумала.

С годами мы не только вспоминаем прошлое. Мы оцениваем прожитую жизнь. И с ужасом понимаем, что принципы, которыми мы руководствовались, были неправильными и глупыми. И если нам дан еще один шанс, не нужно бежать без оглядки. Надо остановиться, выслушать и... наплевать на принципы, которые мешают чувствам открыться.

Не знаю, кто нас свел: судьба в лице заботливой Ангилины Евгеньевны, случай, или опостылевшее одиночество? Но в одном я уверена - осень бывает поздней, а не глухой, надо уметь ее слушать.

Осень это предвестник зимы - нового жизненного этапа. И не только природы...

Ноябрь 2012года